

В нашей памяти неизгладимо остался тот день, когда в октябре 1945 года в бывшем клубе имени Андреева приветливо распахнул свои двери театр. Помещение технически было мало приспособлено для театра, но после войны оно являлось одним из лучших зданий в Калуге, и сейчас даже трудно себе представить радость калужан, которые тогда, наконец, переступили порог храма искусства. В числе антеров Калужской послевоенной труппы был Андрей Петрович Алексеев. Почти четверть века своей жизни отдал он Калужскому театру, пережив вместе с ним все трудности и невзгоды прошлых лет, создав целую галерею образов. Нам бы очень хотелось, чтоб газета рассказала об этом антере своим читателям.

**Л. АСКОЛЬЗИНА, Д. КУНАРЕВ,
Е. АЗАРЧЕНКО, В. ЛУЦЕВИЧ
и другие зрители.**

на прежние, как по внутреннему, так и внешнему сценическому рисунку. К актерам последнего метода работы принадлежит один из старейших антеров Калужского драматического театра Андрей Петрович Алексеев. Его творчество характеризует редкое жанровое разнообразие создаваемых ролей, смелость и обилие приемов художественной выразительности.

Роли, исполненные антером, отмечены высокой сценической культурой, всегда несут глубокую мысль, являются плодом большого, вдумчивого труда, результатом размышлений. Актер имеет свой, отличающий его сценический «почерк». Главный режиссер облдрамтеатра В. А. Ефремова говорит так:

— Андрей Петрович Алексеев — это талантливый актер яркого дарования и широкого диапазона, владеющий современной манерой исполнения, беспрестанно работающий над собой.

...Передо мной выцветшая, пожелтевшая фотография маленькой, покосившейся избышки, наполовину заслоненной развесистыми ветвями белоствольной березы. 60 лет назад домик принадлежал прачке Елене Федоровне

Алексеевой, вдове, воспитавшей без рано умершего мужа одиннадцать детей и в их числе будущего артиста, тогда пареня с вихрастыми волосами. Не хватало одежды и обуви, и ходить в школу приходилось по очереди. И все же любовь к сценическому искусству у маленького Андрюши обнаружилась еще в школе, где он был восторженным участником художественной самодеятельности: танцевал, декламировал, а когда стал старше, был принят в члены драмкружка.

При содействии учителей мальчика «определяют» в театральное училище по классу балета, откуда он переходит в драматическую студию им. Ходотова. Тогда, для того, чтобы иметь источник существования, юноша работает ночным сторожем в одном из магазинов. После студии Андрей Петрович — артист Ленинградского ансамбля оперетты.

Во многих городах и многих театрах играл А. П. Алексеев, в составе многих трупп и, наконец, в 1945 году его принимают в коллектив Калужского облдрамтеатра, членом которого вот уже 22-й сезон он состоит.

Плодом творческой сценической жизни А. П. Алексеева явилась целая галерея созданных им образов отечественной и зарубежной дра-

матургии. Роли эти не равновелики по своему объему — актер играл и роли первого значения, и маленькие, эпизодические.

Велика жанровая амплитуда представленных им образов, от трагического склада до комических, от персонажей «махрового» быта до гротеска, от шедевров античной классики до драматургии сегодняшнего дня. Нет необходимости называть здесь даже их меньшую часть. Но нельзя не отметить, что даже самая небольшая роль у А. П. Алексеева всегда (актера редко постигали неудачи) остра по сценическому рисунку, являет собой свидетельство большой фантазии, неистощима по найденным интонациям, пластической легке и одновременно несет черты неповторимой индивидуальности актера — его всегда узнаешь. Более того, А. П. Алексеев, на наш взгляд, является мастером небольшой роли, выраженной «характерности», несущей большую идейно-смысловую нагрузку, т. е. «великое в малом», по полушутливому определению выдающегося театрального критика А. Кугеля, талантливых исполнителей подобных ролей.

Таковы лощеный, слащавый и вместе с тем человек «мертвечина», ненавидящий все талантливое, «сухарь», педант, инспектор гимназии в пьесе К. Ветлинского «Навстречу звездам»; таков гостеприимный, веселый, праздничный директор магазина Леденцов в пьесе Паустовского; это остроумнейший, обаятельный, наивный, до самозабвения преданный революции Швандя в пьесе К. Тренева «Любовь Яровая»; это живой, как ртуть, находчивый, динамичный Бельтран в «Мадридской стали» Лопе-де-Вега; образ «маска» — юркий, словоохотливый Бобчинский в

«Ревизоре» Н. В. Гоголя и многие другие.

Из «крупных» ролей, сыгранных А. П. Алексеевым, хочется рассказать лишь о некоторых. Шут в «Короле Лире» Шекспира, эта тень, совесть Лира у А. П. Алексеева — сложный сплав глубоко трагического содержания с комической внешней характеристикой. Исключительна пластичность образа. Воспитанник балетной школы, Алексеев весь в движении, как бы порхает по сцене, поражая окружающих горестными и язвительными афоризмами. Андрею Петровичу неизменно удаются роли с элементами буффонады. В этой роли, как и во многих других, актер обнаруживает хорошие вокальные данные, когда поет сатирические куплеты шута.

Про А. П. Алексеева один критик писал: «Там, где звучит песня и можно пуститься в пляс, — он в своей стихии».

Значительны по своим творческим находкам Фигаро в одноименной комедии Бомарше, Скапен в «Проделках Скапена» Мольера.

А вот Худобаев в пьесе А. Н. Островского «Светит да не греет». Это чиновник в отставке, имеющий целый арсенал орденов, скопивший на старости большой капитал... но большой подагрой, неудачник в личной жизни. Сухой, ограниченный в своих устремлениях человек, «человек в футляре», который в диалоге с Реневой о женитьбе неожиданно вдохновляется, преобразается, забывает даже о своей подагре, гадает на лепестках ромашки — «любит не любит» — все из-за случайно брошенной Реневой фразы: «Может быть, ваше счастье близко, около вас...».

Весь вид Худобаева — Алексеева вызывает у зрителя улыбку, его тшедунная внешность, костюм

(пальто и шарф в летнюю ночь), его старческое вдохновение, мечты о красавице-невесте, все вместе взятое вызывает веселый смех. Жизненная достоверность, точность художественных деталей, острое чувство комедийного всегда свойственны актеру.

Но вершиной его творческого пути к сегодняшнему дню является образ Фирса в «Вишневом саде» А. П. Чехова, сыгранный в начале нынешнего сезона, что признано единодушно местной прессой, зрителями и ведущими критиками страны.

Глубокий собирательный образ создал актер. Слуга, необходимая принадлежность своих хозяев, вырастает в спектакле в грозный символ уходящего старого мира. Оставаясь заботливой нянькой Гаева, он предстает перед нами нравочителем, «грозным судьей» своих прежних хозяев-«недотеп». Скупными красками рисует образ Алексеев. Благородная внушительная фигура мерно шествует, опираясь на палку, между персонажами пьесы, весь — воплощение мудрости старца. И как убедительный приговор раневским и гаевым, приговор старому миру, звучит финал, когда Фирса оставили в заколоченном помещицьем доме — «человека забыли!» — забыли, как уже абсолютно ненужную вещь. Эта тема поднята артистом и режиссером до степени трагической.

В предстоящем 1968 году калужская общественность будет отмечать шестидесятилетие со дня рождения и сорокалетие сценической деятельности Андрею Петровичу, чтобы он был так же молод сердцем, полон физического и духовного здоровья, так же инициативен в своих творческих исканиях, как и сегодня.

П. НЕАПОЛИТАНСКИЙ.